

В.Л. Короленко

**История моего
современника**

2

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
К68

К68 **Короленко В.Г.**
История моего современника: 2 / В.Л. Короленко – М.: Книга по Требованию,
2016. – 376 с.

ISBN 978-5-517-99253-6

ISBN 978-5-517-99253-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2016

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2016

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

окружили. Онъ всталъ среди товарищей, упрямо потупившись и чувствуя, что настроеніе класса не за него. Сказать дерзость учителю, вообще говоря, считалось подвигомъ, и если бы онъ такъ же прямо назвалъ бараномъ одного изъ «старыхъ» — Кранца, Самаревича, Егорова, то совѣтъ бы его исключилъ, а ученики проводили бы его горячимъ сочувствіемъ. Теперь настроеніе было недоумѣло-тяжелое, неприятное...

— Свинство, братъ, — сказалъ кто-то.

— Пусть жалуется въ совѣтъ, — угрюмо отвѣтилъ Заруцкій.

Для него въ этой жалобѣ былъ своего рода нравственный выходъ: это бы сразу поставило новаго учителя въ рядъ со старыми и оправдало бы грубую выходку.

— И пожалуется... — сказалъ кто-то.

— Конечно. Думаешь, — спустить?

— Нѣтъ, не пожалуется.

— Пожалуется.

Этотъ вопросъ сталъ центромъ въ разыгравшемся столкновеніи. Прошло дня два, о жалобѣ ничего не было слышно. Если бы она была, — Заруцкаго прежде всего вызвалъ бы инспекторъ Рущевичъ для обычнаго громового внушенія, а, можетъ быть, даже прямо приказалъ бы уходить домой до рѣшенія совѣта. Мы ждали... Пришелъ день совѣта... Признаковъ жалобы не было.

Наступилъ урокъ химіи. Игнатовичъ явился нѣсколько взволнованный; лицо его было серьезно, глаза чаще потуплялись, и голосъ сры-

вался. Видно было, что онъ старался овладѣть положеніемъ и не вполне увѣренъ, что это ему удастся. Сквозь серьезность учителя проглядывала обида юноши, урокъ шелъ среди тягостнаго напряженія.

Минуть черезъ десять Заруцкій, съ потемнѣвшимъ лицомъ, поднялся съ мѣста. Казалось, что при этомъ на своихъ плечахъ онъ поднимаетъ тяжесть, давленіе которой чувствовалось всѣмъ классомъ.

— Господинъ учитель... — съ усиленіемъ говорилъ онъ среди общей тишины. Вѣки у молодого учителя дрогнули подъ очками, лицо все покраснѣло. Напряженіе въ классѣ достигло высшаго предѣла.

— Я... прошлый разъ... — началъ Заруцкій глухо и затѣмъ, съ внезапной рѣзкостью, закончилъ:

— Я извиняюсь.

И сѣлъ съ такимъ видомъ, точно сказалъ новую дерзость. Лицо у Игнатовича посвѣтлѣло, хотя краска залила его до самыхъ ушей. Онъ сказалъ просто и свободно:

— Я говорилъ уже, господа, что баранами никого не называлъ.

Инцидентъ былъ исчерпанъ. Въ первый еще разъ *такое* столкновеніе разрѣшилось *такимъ* образомъ. «Новый учитель» выдержалъ испытаніе. Мы были довольны и имъ, и — почти бессознательно — собою, потому что также въ первый разъ не воспользовались слабостью этого юноши, какъ воспользовались бы слабостью кого-нибудь изъ «старыхъ». Самый эпизодъ скоро изгладился изъ памяти, но какая-то ниточка

своеобразной симпатіи, завязавшейся между новымъ учителемъ и классомъ, осталась.

Вскорѣ Игнатовичъ уѣхалъ въ отпускъ, изъ котораго черезъ двѣ недѣли вернулся съ молодой женой. Во второмъ дворѣ гимназіи было одноэтажное зданіе, одну половину котораго занимала химическая лабораторія. Другая половина стояла пустая; въ ней жилъ только сторожъ, который называлъ себя «лаборщикомъ» (отъ слова «лаборнѣя»). Теперь эту половину отдѣлили и отвели подъ квартиру учителя химіи. Тутъ и водворилась молодая чета.

Жена Игнатовича была выше его ростомъ, худенькая, смуглая, не особенно красивая. Но, на нашъ взглядъ, въ ней было что-то необыкновенно привлекательное, вѣрнѣе, — было что-то привлекательное въ нихъ обоихъ вмѣстѣ и въ томъ, что свое гнѣздышко они устроили въ самомъ центрѣ гимназической сутолоки и шума. Каждую перемѣну черезъ дворъ неслись вереницы сорванцовъ, направляясь въ помещеніе, гдѣ можно было тайкомъ затаиться папирской. По звонку все это неслоь обратно, налетая другъ на друга, сшибаясь, крича, вступая на скорую руку въ короткія драки. Порой въ большую перемѣну во второмъ дворѣ устраивались игры въ мячъ, и ученики, подталкивая другъ друга локтями, указывали на смуглое личико, мелькавшее въ окнахъ. Нѣкоторые изъ старшихъ были даже почтительно влюблены, и изъ ученической квартиры, заглядывавшей вторымъ этажемъ изъ-за ограды въ гимназическій дворъ, порой глядѣли на лаборато-

рію въ бинокли. Иной разъ, живой и бурный потокъ, послѣ уроковъ стремившійся къ калиткѣ, вдругъ останавливался, пропуская худенькую фигурку, проходившую сквозь толпу съ привѣтливой улыбкой, и тотъ, кому она кланялась, какъ знакомому, считалъ себя польщеннымъ и счастливымъ. Игнатовичъ изрѣдка приглашалъ того или другого ученика къ себѣ. Жена его тоже выходила, знакомилась, разговаривала, спрашивала. Было въ этомъ что-то хорошее, теплое, дѣйствовавшее на толпу сорванцовъ уже тѣмъ, что юный учитель былъ для насъ не только машиной, задающей уроки, но и человѣкомъ, въ маленькомъ счастьи котораго мы принимали какъ бы нѣкоторое участіе. Я сначала запустилъ было химію, но въ первыя же каникулы вызубрилъ весь учебникъ Вюрца на зубокъ; я иногда ходилъ къ Игнатовичу съ рисунками приборовъ, и мнѣ не хотѣлось, чтобы Марья Степановна сказала какъ-нибудь при встрѣчѣ:

— А вы почему же это не учите химію? Вамъ не нравится? Да?

Одновременно съ Игнатовичемъ пріѣхалъ Комаровъ, «украинофилъ-этнографъ». Мы плохо понимали, что это за «труды по этнографіи», но чувствовали, что это какой-то интересъ высшаго порядка, выходящій за предѣлы казеннаго преподаванія.

Было и еще два-три молодыхъ учителя, которыхъ я не зналъ. Чувствовалось, что въ гимназіи появилась группа новыхъ людей, и общій тонъ поднялся. Кое-кто изъ лучшихъ, прежнихъ, чувствовавшихъ себя одинокими, те-

перь ожили, и до насъ долетали отголоски споровъ и разногласій въ совѣтѣ. Въ томъ общемъ хорѣ, гдѣ до сихъ поръ надъ голосами средняго тембра и регистра господствовали рѣзкіе фальцеты автоматовъ и маниаковъ, — стала замѣтна новая нотка...

А затѣмъ явился и еще одинъ человекъ, на воспоминаніи о которомъ мнѣ хочется остановиться подольше.

XXVII

ВЕНИАМИНЪ ВАСИЛЬЕВИЧЪ АВДІЕВЪ

Нашъ прежній словесникъ, Митрофанъ Александровичъ Андріевскій, успѣлъ какъ-то жениться и «по семейнымъ обстоятельствамъ» переехалъ въ другую гимназію. Мы проводили его съ сожалѣніемъ, такъ какъ любили его добродушіе, мягкую улыбку, порой мѣткія словечки и трогательную преданность «Слову о полку Игоревѣ». На нѣкоторое время «каедре словесности» осталась незанятой. На уроки приходилъ Степанъ Яковлевичъ Рущевичъ, который вздумалъ учить насъ выразительному чтенію. Самъ онъ читалъ какъ-то грузно, массивнымъ голосомъ, съ чувствомъ, толкомъ и разстановкой, но съ совершенно неосновательными претензіями на выразительность. Онъ требовалъ, чтобы мы точно подражали его интонаціямъ, а намъ это было «совѣстно» и казалось кривляніемъ. Между тѣмъ, словесность всегда, по какой-то традиціи, считалась въ гимназіи самымъ интереснымъ и самымъ «умнымъ»

предметомъ. Съ тѣмъ большимъ нетерпѣніемъ ждали мы новаго словесника.

Однажды пронесся слухъ, что онъ уже пріѣхалъ. Зовутъ Авдіевымъ, молодой. Кто-то уже видѣлъ его въ городѣ и рассказывалъ о своей встрѣчѣ какъ разъ передъ началомъ урока, который, какъ мы думали, на этотъ разъ проведетъ еще инспекторъ. Но, почти вмѣстѣ съ звонкомъ, дверь класса отворилась, и на порогѣ появился незнакомый учитель. Онъ на мгновеніе остановился, спокойно глядя, какъ мы, застигнутые врасплохъ, быстро рассаживались по мѣстамъ, — потомъ прошелъ къ каедрѣ, кивнувъ намъ на ходу головой. Такъ какъ это былъ первый урокъ, то онъ молча сталъ ждать, пока дежурный прочтетъ обычную молитву; затѣмъ сѣлъ и раскрылъ журналъ. Лицо у него было слегка хмурое, перекличку онъ дѣлалъ недовольнымъ голосомъ, порой останавливаясь надъ какой-нибудь фамиліей и вглядываясь въ ея обладателя. Кончивъ это, онъ сошелъ съ каедръ и неторопливо прошелся вдоль скамей по классу, думая о чемъ-то, какъ будто совсѣмъ не имѣющемъ отношенія къ данной минутѣ и къ тому, что на него устремлено полсотни глазъ, внимательныхъ, любопытныхъ, изучающихъ каждое его движеніе.

Это былъ молодой человекъ, пожалуй, только года на три старше Игнатовича, но болѣе возмужалый и солидный. Лицо у него было не совсѣмъ обыкновенное: правильныя черты съ греческимъ профилемъ, большіе выразительные глаза, полныя губы, тонкіе усы и неболь-

шая русая бородка. Все это было довольно красиво, но почему-то на первый взгляд классу не понравилось. Кроме того, на немъ были узкія брюки и сапоги съ низкими каблуками, а мы считали верхомъ щегольства брюки по-казацки широкія и высокіе каблуки. Узкія брюки носили у насъ только завѣдомые модники и франты въ шестомъ и седьмомъ классѣ.

Все это мы успѣли замѣтить и оцѣнить до послѣдней пуговицы и до слишкомъ широкихъ лацкановъ синяго фрака, — пока новый учитель ходилъ по классу. Намъ казалось страннымъ и немного дерзкимъ то обстоятельство, что онъ ведетъ себя такъ безцеремонно, точно насъ, цѣлаго класса, здѣсь вовсе не существуетъ.

Пройдя такимъ образомъ нѣсколько разъ взадъ и впередъ, онъ остановился, точно прогоняя изъ головы занимавшія его стороннія мысли, и опять внимательно посмотрѣлъ на классъ.

— Чѣмъ вы занимались въ послѣднее время?
— спросилъ онъ.

Мы переглянулись.

— Въ послѣднее время Степанъ Яковлевичъ читалъ намъ...

— Что?

— Басни Крылова.

Брови новаго учителя чуть приподнялись.

— Зачѣмъ? — спросилъ онъ.

Вопросъ показался намъ страннымъ. Объ этомъ нужно бы спросить у самого инспектора. Но кто-то догадался:

— Чтобы занять пустые уроки.

— А!.. И васъ тоже заставлялъ читать?

— Да.

— Такъ. Кто у васъ хорошо читаетъ?

Классъ молчалъ. Всѣ мы умѣли читать громко, иные бѣгло, но хорошаго чтенія не слышали никогда, а «выразительное чтеніе» Степана Яковлевича казалось намъ искусственнымъ.

— Ну, что же? — сказалъ онъ нетерпѣливо, поведя плечомъ. — Что же вы молчите?

— Всѣ мы читаемъ одинаково, — съ досадой вырвалось у меня, но я сказалъ это слишкомъ тихо. Учитель повернулся ко мнѣ и спросилъ въ упоръ:

— Вы читаете хорошо?

— Нѣтъ, — отвѣтилъ я, покраснѣвъ. — Я этого не говорилъ.

— А я именно объ этомъ спрашивалъ. Читайте вы! — сказалъ онъ ученику, передъ которымъ лежала книжка басень.

Тотъ всталъ и, раскрывъ наудачу, сталъ читать. Учитель недовольно морщился.

— Плохо, — сказалъ онъ. — И всѣ такъ? И нѣтъ никого, кто бы умѣлъ читать?.. Ну, а что вы проходили раньше?

— Теорію словесности... По Минину, — отвѣтило нѣсколько голосовъ.

— А что такое словесность?

Молчаніе.

— Происходитъ отъ «слово»... — сказалъ кто-то.

— Положимъ, — а что такое «слово»?

— Выраженіе мысли.

— Не всегда... Можно наговорить много

словъ, и все-таки выйдетъ безсмыслица... А что такое мысль?

Молчаніе.

Онъ посмотрѣлъ на насъ съ комической гримасой и сказалъ:

— Подумайте каждый про себя и скажите: вы когда-нибудь въ своей жизни *мыслили*?

Это была обида. Въ классѣ поднялся легкій ропотъ.

— Всѣ, — сказалъ кто-то.

— Что всѣ?

— Всѣ думаемъ, то-есть мыслимъ, — отвѣтило нѣсколько голосовъ задорно. Учитель начиналъ раздражать.

— «Думаете», — передразнилъ онъ, поведя плечомъ. — Вы вотъ думаете: скоро ли звонокъ?... И тоже *думаете*, что это-то и значить *мыслить*. Но вы ошибаетесь. «Мыслить», — понимаете: не думать только, а мыслить, — это значить совсѣмъ другое. Берите тетради. Записывайте.

И, медленно расхаживая по классу, онъ началъ съ простѣйшихъ опредѣленій. Сначала въ его глазахъ и въ морщинѣ между бровями виднѣлось то же хмурое недовольство. Но развитіе темы видно его захватывало. На смугломъ лицѣ пробился густой румянецъ. Говорилъ онъ медленно, вдумчиво и свободно. Урокъ, очевидно, не былъ заученъ: слова рождались, выплывали тутъ же и летѣли къ намъ, еще не остывшія. По временамъ онъ останавливался на ходу и дѣлалъ паузу, подыскивая наиболѣе удачную форму, ловилъ нужное слово и опять шелъ дальше, все болѣе и болѣе

довольный. Записывать за нимъ было трудновато. Онъ говорилъ медленно, но не ждалъ, пока мы за нимъ поспѣемъ. А записать хотѣлось. Остальная часть урока прошла въ этомъ занятіи. Когда ударилъ звонокъ, я удивился, что урокъ кончился такъ скоро.

Авдіевъ закончилъ, взялъ журналъ и, кивнувъ головой, вышелъ. Въ классѣ поднялся оживленный говоръ. Впечатлѣніе было неблагоприятное.

— Вотъ такъ птица! — говорилъ одинъ.

— У этого, братцы, держись...

— И откуда выкопали такого чорта?

— А вѣдь онъ насъ, господа, оскорбилъ?..

За такими разговорами засталъ насъ звонокъ ко второму уроку. Вошелъ, помнится, учитель исторіи Андрускій. Это былъ тоже «новый», поступившій за нѣсколько мѣсяцевъ до Авдіева, молодой человѣкъ, невысокаго роста, съ умнымъ, энергичнымъ лицомъ. Въ классѣ онъ держалъ себя по учительски, суховато, но все-таки симпатично. Часъ урока былъ у него точно распределенъ на двѣ неравныя части. Въ первой онъ вызывалъ, спрашивалъ и ставилъ отмѣтки. Когда онъ опускалъ перо въ чернильницу, чтобы поставить баллъ, — лицо его дѣлалось задумчиво и серьезно. Было видно, что онъ тщательно взвѣшиваетъ въ умѣ всѣ за и противъ, и, когда послѣ этого твердымъ почеркомъ вносилъ въ журналъ ту или иную цифру, — чувствовалось, что она поставлена обдуманно и справедливо. За двадцать минутъ до конца урока, онъ придвигалъ къ